

РЕЦЕНЗИИ

В.Д. Девкин. *Немецко-русский словарь разговорной лексики.* – М.: Изд-во "Русский язык", 1994. 768 с.

В то время как словари массового применения создаются быстро, фундаментальные филологические лексиконы необыкновенно трудоемки и появляются отнюдь не часто. Немецко-русский словарь разговорной лексики В.Д. Девкина – уникальное явление нашей лексикографии, своеобразие и новизна которого находят проявление во многих факторах: новое решение проблем словника, построения словарных статей, подбора переводных соответствий, иллюстрирования применения слов в живом общении и др. Подобного профиля словаря у нас не было. Он содержит пласт лексики, не подвергавшийся до последнего времени совокупному рассмотрению в рамках специального словаря. До сих пор разговорно окрашенная и сниженная лексика немецкого языка входила лишь составной частью в словари общего типа, что затрудняло возможность целостного рассмотрения этого фонда с целью выявления той его специфики, которая так важна для лексикографирования.

Разговорная лексика, как известно, имеет зыбкие границы с нейтральной, и ее выделение представляет значительные трудности [Маковский 1982]. Это отпугивало долгое время от составления разговорного словаря. Слишком много сопутствующих обстоятельств осложняло эту задачу. Наконец словарь В.Д. Девкина ее решил. В результате возникло единственное в своем роде справочное пособие, отличающееся от популярного немецкого разговорного словаря Кюппера [Kürper 1987] большим вниманием не к низшему, а к пограничному с нейтральным слою лексики, т.е. в целом к лексическим единицам меньшей степени сниженности, а также наличием примеров словоупотреблений (в словосочетаниях и предложениях) и переводами на русский язык. В количественном отношении словарь В.Д. Девкина уступает более богатому словнику Х. Кюппера, зато содержит большее количество речевых иллюстраций.

Составитель словаря отмечает, что он считает своей заслугой то, что ему удалось зафиксировать оригинальные речевые "мини-произведения" сотен людей – такие, под которыми могли бы подписаться еще тысячи других носителей немецкого языка, подтвердив таким образом достоверность и пригодность приведенного фактического материала, который должен оказаться особенно ценным для читателя, находящегося за пределами страны изучаемого языка (с. 7). Привлекательна естественность, оригинальность и идиоматичность примеров немецкой живой разговорной речи. Поставленная автором цель – обеспечить "достаточную информативность и полноту сообщаемых сведений" при сохранении компактности и обзримости представленного материала – достигнута.

Коллоквиальные, молодежные и распространенные жаргонные неологизмы достаточно учтены словарем, что подчеркивает его актуальность. То, что словарь написан одним автором, а не несколькими, обеспечило ему унифицированную подачу и интерпретацию материала. Обоснованность и убедительность принципиальных установок постоянно ощущаются при пользовании словарем.

Рецензируемый словарь впервые вводит в наш лексикографический обиход сотни слов, которые находились за пределами словарей. Это, естественно, потребовало семантизации этих единиц и включения в систему межъязыковых соответствий. Решение этой задачи следует признать удачным.

Немало новаций внесено в трактовку рядов слов, которые принято рассматривать не столько в лексикологии, сколько в грамматике (местоимения, частицы, вспомогательные глаголы), а также синтаксических идиоматических конструкций. Совершенно правильно, что в словарь включены коммуникативные клише, этикетные формулы повседневного обихода, команды, некоторые поговорки, присловья, шутки, крылатые вы-

ражения, как правило, не включаемые ни в работы по фразеологизмам, ни в словари.

Много остроумных находок можно увидеть в большом корпусе словаря. Это и уточнения или исправления неточных переводов, проникших в наши традиционные словари (например, *den Bock zum Gärtner machen* дано З.Д. Девкиным как "поручить работу плохому работнику", а не "пустить козла в огород", которое осмысливалось как "позволить кому-л. злоупотребить доверием"), и приемы профилактики "культурологического нивелирования" [например, приведение сравнений (ср. русск. *деревянные рубли*, русск. *нацмен*, русск. *ванька-встанька* и т.п.), когда в переводе на русский язык типично немецкой ситуации недопустимо прибегать к сугубо русскому варианту], и уместные ремарки конкретизации семантически расплывчатого слова (Kerl, Sache, Zeug, Subjekt, Typ), и профилактика ошибок из области "ложных друзей переводчика", и дифференцированный подход к сниженной лексике с разграничением случаев а) отказа от эвфемизации неэстетичных понятий и б) намеренной вульгаризации номинаций, которые в норме должны были бы быть нейтральными [ср. *сопли* (груб.) и *сопляк* (вульг.), что соответственно отражено пометами, и целый ряд других частных случаев, которые для лексикографии весьма существенны.

Словарю предпослано предисловие с изложением лексикологических и лексикографических принципов, которых придерживается автор словаря. Здесь изложены: перспектива практического использования этого справочного издания и его роль в изучении немецкого языка как иностранного, понятие разговорной речи и разговорной окрашенности, отношение к стилистическим регистрам, к понятиям экспрессивности и эмоциональности, к оценочности и информативной содержательности, к синонимии.

Чем меньше определенность и четкость контуров языкового явления, подвергающегося анализу и описанию, тем настоятельнее необходимость критериев рассмотрения материала. Высказанные по этому поводу соображения представляются справедливыми. Автор прав, что дилетантское стремление привнести ясность в то, что ее объективно лишено, приводит только к наукообразию и разочарованиям.

Слово многомерно, а разговорное – тем более. Автор словаря показывает, как это преломляется рассматриваемой лексикой. Ее очень существенным свойством оказывается то, что какая-то часть разговорных выражений известна и активна для одних и чужда другим (с. 19). Наблюдается своеоб-

разный парадокс: разговорная окраска ощущается без колебаний всеми, пока слово ново и несколько необычно. Как только оно обретет свою всеобщность, создается база для его перехода в нейтральный слой при толерантности к его сниженности.

В этическом измерении разговорная лексика неоднородна. Ее многообразие в словаре отражено: проведено подразделение с помощью помет на 1) коллоквиальный, 2) фамильярный и 3) грубо-вульгарный пласт (с включением небольшого процента табуизированных слов, которые поданы с большим тактом и лексикографическим мастерством). Коллоквиальный пласт, представленный в словаре без помет, составляет, как и следовало ожидать, подавляющее большинство слов. Размежевание этих пластов – дело очень тонкое и сложное. Зыбкость границ и часто встречающееся в коммуникативной практике субъективное отношение к подрегистрам субстандарта неизбежно связаны со спорностью распределения по ним сниженных единиц. Для иллюстрации можно привести из словаря следующие слова с пометой фамильярности: *doll, Birne* ("Kopf"), *Kartoffeln abgießen, kaschen, Karton* ("Kopf"), *Rulps, Schote, keß, duhn, sich dunnemachen, Popel* и т.д. По нашему убеждению, к ним следовало бы причислить и *doof, Fratz, Bummelliese, Wurstmaxe, Käseblatt, Erker* ("Nase"), *Zombie, Zoni, rumsen, Ruppsack, Hocker* ("Sitzenbleiber"), *Plumpsklo* и др. Жаргонизмами считаются *Oko, Doggi, Alki, Franz, Biß* ("Wille"), *Hundi, irre, Polenta* и т.п. Помета "жарг." перекликается с "молод.", "школ.", "солд." В процентном отношении сильно сниженная лексика составляет очень небольшую прослойку. Дискуссионность решения практической задачи дифференциации субстандартных слов время от времени чувствуется в словаре. Понятие просторечности В.Д. Девкиным не используется, так как, по его мнению, оно лишено ясности, поскольку оно обозначает как фамильярность, так и неграмотность.

Разговорная лексика возникает разными путями – семантически, словообразовательно и путем заимствования. Словарь отражает эти возможности. Он приводит, например, разные виды метафор: зоонимы (*Kafer, Biene, Krabbe, Bar, Hund*), а также части тела животных (*Krallen, Flossen, Mahne, Maul*), действия и состояния (*zwitschern, affen, buffeln, hamstern, luchschen*), фитонимы (*Rube, Kurbis, Birke, Kurve, Knolle*), случаи опредмечивания (*Stelzen, Zinken, Knopf, Fassade*) и персонификации (*heulen, stottern, tot*). Отвлеченные понятия

могут выступать в конкретном значении (*Kater, eisern, höchste Eisenbahn, Schwanz*), а абстрактные могут обозначать конкретное [*Ekel, Kapazität, Zuverlässigkeit* (о человеке)].

В словаре принята условность обозначения переносного значения с помощью кавычек. Это экономно и наглядно. Однако автора словаря можно упрекнуть в том, что эта маркировка применяется не всегда последовательно. Так, ее нет в переводах к *ludern* "распустить-ся", *Pascha* "барин", *eintrommeln* "лупить". Правда, этот тип кавычек используется в словаре экономно: если есть помета "перен." или поясняющие скобки или синонимы (*rauken* "зубрить, долбить"; *Per* "огонек, задор"), кавычки считаются излишними. С этим можно согласиться.

Комплексно учесть все метонимичные словоупотребления — задача не реализованная ни одним словарем. С одной стороны, закономерности актуализации метонимии в известной степени интернациональны. С другой же стороны, они имеют национальную специфику. Нарушение параллелизма двух конфронтирующих языков по линии метонимии создает для словаря дополнительные осложнения, в первую очередь связанные с отбором неэквивалентных словоупотреблений. Решения, принимаемые в данном словаре при подаче метонимии, не всегда убеждают в правильности ее отбора. Представляется целесообразным включить следующие метонимические применения слов на том основании, что они лишены параллелизма в немецком и русском языках: *der Besuch* "гость"; *der Beamte* "полицейский" (*die Beamten haben den Verbrecher erst nach einem Tag gestellt*) или различия метонимий слов *Schule* "школа": ср. *Vor der Schule* ("до школы", "до занятий в школе") *spielte der Junge auf dem Sportplatz*; *Nach der Schule* ["после школы (окончания школы)"] *will er studieren*. Подобные метонимии идентичны в немецком и русском языках. Однако *Heute haben wir keine Schule* уже не имеет в русском языке прямой параллели — нельзя сказать "у нас нет сегодня школы", а надо употребить "у нас нет уроков". Выражение *Das (sein Verhalten) macht Schule* "это встречает поддержку, достойно подражания" также отличается от русской метонимии. Отражение подобных нарушений симметричности этих двух языков у Девкина В.Д. должно было быть более последовательным. Указанные примеры метонимии, интересные своими расхождениями в обоих языках, в его словаре не приводятся.

Было бы целесообразно, помимо упоминания в словнике, словообразовательные

элементы, типичные для разговорного словопроизводства, дополнительно дать в виде приложения. Кстати сказать, возможность обобщений строевого характера, вынесенных для справок в самостоятельный раздел, еще более повысила бы ценность информации, заключенной в словаре, сделала бы ее более обозримой и доступной.

Богатые возможности разговорного словообразования учтены словарем достаточно полно, однако здесь можно сделать несколько критических замечаний. При фиксации серийных частотных словообразовательных элементов иногда остается ощущение некоторой неполноты приведенных рядов. Ср. образования с показателями направленности *raus, rein, rauf, hin, her* и др. или такие группы, как *Topangebot, -athlet, -figur, -material, -modell, -preis, -sängerin, -schwimmer, -star, -stimme, -tip, -veranstaltung*. Почему образования с элементом *mords*-представлены 50 словами, тогда как в словаре Кюппера их в 2,5 раза больше? Когда словообразовательные ряды даются у В.Д. Девкина списочно, ускользают из поля зрения интересные переводы, например, *Sonntagsfahrer* "чайник". При компоненте сложных слов на *-nudel, -geil, -fritze* также нет перевода. Иногда компенсацией этой утраты служит дополнительное упоминание некоторых слов из этих рядов в виде самостоятельной леммы.

Проверка полноты словника словаря В.Д. Девкина с помощью информантов — носителей немецкого языка показала, что лакун в нем почти нет. Это большое достижение. Однако отдельные предложения по включению дополнительных слов можно было бы все же сделать: *abzocken, abwickeln, wegrationalisieren, in seine eigene Tasche wirtschaften*. Если имеется слово *Besserwessi*, то следовало бы не забыть и *Jammerwessi* "вечно недовольный, жалующийся бывший ГДР-овец".

Предлагаемые В.Д. Девкиным переводы, предупреждающие интерференцию, относятся к достоинствам словаря. Ср. *Skandalnudel, Flöhe knacken, Frontschwein, Kanonenfutter* и буквальные напрашивающиеся параллели. В словаре даны более правильные: "оказывающийся в центре шумихи, сенсаций", "давить в ш е й", "фронтоник" (в самом положительном смысле этого слова), "пушечное мясо". Можно было бы добавить переводы "шестерка" (*Schani*), "гадюшник" (*Giftküche*), "делать пересменок" (*Schicht machen*).

Разговорные, сленговые и жаргонные словари пользуются, как правило, меньшей попу-

лярностью, чем комплексные толковые словари неспециализированного характера. Из этого следует, что более устойчива своеобразная традиция рассмотрения сниженных слоев лексики на фоне литературной и с учетом разного взаимодействия с ней. Это поддерживается и оправдывается тем, что подобное взаимовлияние неизбежно и в принципе является само собой разумеющимся. Когда же создаются коллоквиальные и субстандартные словари со своим особым отбором лексического фонда, неизбежно возникает целый ряд осложняющих обстоятельств, мешающих системному и полному осмыслению приведенных в таких словарях слов. Концентрация в рамках одной книги однотипных лексических единиц, несомненно, во многих отношениях очень полезная и перспективная, невольно приобретает некоторые отрицательные и отнюдь нежелательные свойства – утрачивается момент сопоставления, обзорности и перспективности материала. Эта общая "обреченность жанра" в небольшой степени коснулась и словаря В.Д. Девкина, что прослеживается на следующих примерах. Глагол *türmen* обозначает "сбежать, смыться", но может читателем ошибочно осмысляться как относящийся к слову *Turm* "башня", производные от которого (*Äpfel zu einer Pyramide türmen, Bücher auf dem Tisch türmen*) по причине их нейтральности в словарь не вошли; существительное *Polur* (жарг.) "полицейский" может неискушенным читателем быть связанным с полипом, тогда как оно пережило процесс паронимической аттракции и к полипу отношения не имеет (народная этимология). Подобным же образом немецкое слово *Kanone* в выражении *unter aller Kanone* "ниже всякой критики" соотносится с *Kanon* "правило, канон" и не имеет никакого отношения к пушке (*Kanone*). Изоляция этих слов в словаре от подлинных этимонов создает ложную историческую перспективу. Следует оговориться, что подобное имеет место и в большинстве немецких словарей и должно было бы быть выравнено дополнительными этимологическими комментариями.

Двуязычный характер словаря создает дополнительные осложнения к и без того трудной задаче раскрытия семантической компрессивности слова за счет поисков обеспечения параллелизма сравниваемых языков. Отстаиваемый В.Д. Девкиным принцип первоочередности денотативной эквивалентности, пусть даже в ущерб словообразовательной, этимонной, социолектной и ассоциативной симметричности, нельзя не принять. Высказанные в предисловии сообра-

жения по поводу структурного выравнивания и приемов компенсации некоторых информативных потерь, иногда неизбежных при словарном переводе, конструктивны и полезны. Когда какое-то слово требует в зависимости от сочетающихся с ним слов каждый раз разного перевода, унифицированный эквивалент невозможен, и словарь чутко реагирует на это.

В целом теоретический очерк специфики разговорной лексики и ее отражения в словарях содержит интересную концепцию, ценные идеи и конструктивные предложения, имеющие значение для теоретической лингвистики и практического языкознания, выходящее за пределы германистики. Более детальная рубрикация предисловия повысила бы его роль в преподавании иностранных языков и в словарном деле.

Словарь, фиксирующий лексику, лишенную строгой регламентированности в семантическом, стилистическом и синтагматическом отношении, не может быть свободным от дискуссионности. Далеко не всех может удовлетворить то, как В.Д. Девкин осуществил в своем словаре размежевание с пограничными слоями лексики, особенно с немаркированным фондом. Например, понятия "уравниловка", "прихлебатель", "аллилуйщина", "пуп земли", "очковтирательство", "гуськом" и т.п. включены, тогда как в нескольких ведущих немецких словарях они считаются нейтральными.

Различия в культуре той или иной стороны жизни немецкого и русского народа даже при наличии кажущегося лексического параллелизма становится крупным осложнением в деле преподавания иностранного языка и создания словарей. Возьмем в качестве иллюстрации несколько слов. Глагол *abhaken* и русск. "поставить галочку" различаются тем, что в немецком языке предполагается просто "отметить, сделать пометку (выполненного)", тогда как в русском выражении есть подтекст "очковтирательства, для отвода глаз", чего нет в немецком. Выражение *гадать на кофейной гуще* сейчас применяется в основном переносно ("за неимением точных сведений строить необоснованные предположения"), тогда как немецкое *aus dem Kaffeesatz lesen* имеет только устаревшее буквальное значение забытого способа гадания. Профилактика возможных ошибочных ассоциативных осмыслений лексических параллелей связана с большими трудностями, и попытки, предпринятые В.Д. Девкиным в этом направлении, заслуживают внимания.

Такое тонкое дело, как оказание предпочтения при переводе слова одному сино-

нему перед другими, безусловно, может встретить ряд рекомендаций по усовершенствованию. Вероятно, смелее можно было бы вводить русские неологизмы [*bleib doch friedlich!* "не заводись!" (в отличие от "не волнуйся"); *einen weichen Keks haben* "сдвиг по фазе", "крыша поехала" (а не "с ума сойти"); *Narrenhaus* "дурдом" (а не "сумасшедший дом")] или чаще обращаться к сильно активизировавшимся в последнее время заимствованиям из языка уголовников (*бабки, заточка, ксива*), хотя псевдопараллелизм коннотаций в подобных случаях становится вероятнее. По линии диахронии также найдутся претензии. Временные рамки здесь не решающи, и уход слова из активного применения также еще недостаточен, поскольку нередки реставрации и оживление забывшегося.

К положительной роли обсуждаемого словаря относится то, что определенная его часть с соответствующей обработкой может пополнить общие словари, как одно-, так и двуязычные. Главное при составлении резюмирующего мнения по поводу словаря В.Д. Девкина в том, что это фундаментальная,

солидная работа, выполненная с большим профессиональным мастерством и, несомненно, способная удовлетворить запросы самых разных теоретиков и практиков. В заключение отметим следующее. Отказ от догматического подхода к словарю, терпимость к его недочетам, учет нежесткости нормированности функционирования, подвижности границ разговорного слова, его сильной ситуативной и субъективной зависимости должны способствовать творческому использованию данной книги.

Словарь должен заинтересовать не только российских германистов, но и зарубежных (также и за пределами немецкоязычных стран), и, кроме того, славистов, специалистов по переводу и многочисленных практиков, связанных с немецким языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маковский М.М. 1982 – Английские социальные диалекты. М., 1982.
Küpper H. 1987 – Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Hamburg, 1987.

М.М. Маковский

M. Mahmoudian. Modern theories of language: The empirical challenge. Durham; London: Duke University Press, 1993. XVI, 231 p.

Рецензируемая монография принадлежит автору, чье имя известно отечественному читателю: "La linguistique", предыдущая книга М. Мамудяна [Mahmoudian 1982], профессора Лозаннского университета, в 1985 году была опубликована в русском переводе [Мамудян 1985].

Новый труд, который вышел в серии "Sound and meaning: The Roman Jakobson series in linguistics and poetics", издающейся под общей редакцией К.Х. Схоневельда, посвящен кардинальным проблемам общего языкознания, и основной его пафос не может не вызывать сочувствия по крайней мере у тех, кому близки традиции Л.В. Щербы: это настойчивый призыв к учету языкового материала во всей его полноте, к широкому использованию экспериментальных, в широком смысле, данных с их количественной оценкой и предпочтению "естественных классификаций", отвечающих текстовой реальности и интуиции носителя языка.

Книга состоит из двух частей, разделенных на главы. В первой части автор ставит перед собой две цели: во-первых, дать общее представление о современном состоянии лингвистики, которое было бы доступно и начинающему, а, во-вторых, изложить основ-

ные принципы, которыми он руководствуется при решении лингвистических проблем, ставших предметом исследования в основной, второй части.

Сразу же скажем, что перед нами – добротный образец "профессорской прозы". Речь идет не о стиле – во всяком случае, не столько о стиле, сколько о стремлении к прозрачности изложения и, что еще важнее, к целостному представлению своего предмета. Если "чистый" исследователь может позволить себе исходить из предположения, что читатель знаком с основными фактами и теоретическими представлениями, чтобы сосредоточиться на углубленном изучении частных проблем, то "преподавательская инерция" заставляет его тщательно формулировать исходные посылки, освещать основы общей теории и т.п. Соответственно и Мамудян в своем изложении останавливается на таких глобальных вопросах, как понимание коммуникации, различие между теорией и моделью, соотношение классификации и объяснения и т.д. и т.п.

В числе центральных общих положений можно выделить утверждение об "относительности" языковой структуры – об иерархичности признаков, которые составляют ее